

Н.П. Копанева

М.В. ЛОМОНОСОВ И КУНСТКАМЕРА

В системе департаментов Академии наук, которые должны *«не только существовать бок о бок и объединяться в составе единой корпорации, но, с выгодой для общего дела, сливать и соединять усилия»*¹, М.В. Ломоносов важное место отводил Кунсткамере и Библиотеке, которые он часто рассматривал как неделимое целое. В дошедших до нас записках М.В. Ломоносова о реформировании Академии наук нет специальных разделов о Библиотеке и Кунсткамере, хотя они и должны были иметь место. В записке 1758–1759 гг. о необходимости преобразования Академии в главе «О статье Академическом» названы Библиотека и Кунсткамера². По сути задуманного становится ясно, что Ломоносов в готовившемся им академическом регламенте предполагал написать о целях и задачах каждого из указанного им учреждения Академии. Подготовленный ученым регламент Санкт-Петербургской Императорской Академии наук³ дошел до нас в незаконченном виде, и мы имеем возможность познакомиться только с первой его частью — «О собрании Академии наук».

Успел ли Ломоносов до своей кончины в апреле 1765 г. написать другие части, среди которых был и раздел о Кунсткамере, остается неизвестным. Однако в сохранившейся записке о необходимости преобра-

¹ Ломоносов М.В. Предположения об устройстве и уставе Петербургской Академии наук // Ломоносов М.В. Полн. собр. соч. М.; Л., 1952. Т. 10. С. 118.

² Ломоносов М.В. Записка о необходимости преобразования Академии наук // Там же. Т. 10. С. 64.

³ Местонахождение рукописи неизвестно. Впервые напечатано у П.С. Билярского (Материалы для биографии Ломоносова. СПб., 1865. С. 652–669). В полном собрании сочинений (Т. 10. С. 138–160) документ опубликован по П.С. Билярскому.

зования Академии наук (1758–1759 гг.) есть план шестой части, названной «О Библиотеке и Кунсткамере»¹. План включает в себя следующие главы: 1) о содержании и расположении Библиотеки и Кунсткамеры, 2) о пускании гостей, 3) о употреблении книг от академических служителей, 4) о выписке книг и всяких вещей в Библиотеку и Кунсткамеру².

Начнем с того, что Кунсткамера стала фактически первым «местом работы» молодого Ломоносова, только что вернувшегося из Германии в Петербург. В июне 1741 г. советник Канцелярии И.Д. Шумахер поручил профессору И. Амману преподавать Ломоносову естественную историю. В июле Ломоносов начал составлять каталог Минерального кабинета Кунсткамеры, в ноябре того же года закончил. Просмотрев подготовленную вверенным ему учеником работу, Амман сообщил в академическую Канцелярию, что исправлять что-либо в каталоге он не находит нужным³. Каталог был составлен на латинском языке и опубликован в общем музейном каталоге «*Musei Imperialis Petropolitani...*»⁴. Ломоносовым составлены разделы: *Gemmae* (Камни дорогие [здесь и далее перевод И.И. Голубцова], *Marmora* (Роспись мраморам), *Crystalli* (Хрустали горные), *Lapides rudes et majores* (Камни простые и большие), *Petrefacta* (Материи, в камни обращенные), *Ostracodermata* (Животные водяные в камни обращенные), *Lapides in animalium intestinis pati et partes animalium terrestrium petrefactae* (Камни, внутри животных найденные, и части земных зверей, в камни обращенные), *Succina* (Янтари)⁵.

Иван Иванович Голубцов перевел описания Ломоносова на русский язык. Ученый сам «поправлял» работу Голубцова, поскольку работа состояла не только в переводе, но и в создании русской терминологии по рудному делу. В 1742 г. Ломоносов начал работу над книгой «Первые

¹ Ломоносов М.В. Записка о необходимости преобразования Академии наук // Ломоносов М.В. Полн. собр. соч. М.; Л., 1952. Т. 10. С. 72.

² Там же.

³ Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук (далее СПФ АРАН). Ф. 1. Оп. 3. Д. 31. Л. 81.

⁴ *Musei Imperialis Petropolitani*. Vol. 1. Teil: 1, 3: *Pars tertia, qua continentur res naturales ex regno minerali Petropolitanae*: Acad. Scientiarum, 1745. Опубликованный текст не во всем совпадает с рукописью, хранящейся в СПФ АРАН (Ф. 20. Оп. 3. Д. 63. Л. 1–44). Текст М.В. Ломоносова на латинском языке опубликован в полном собрании сочинений (1954. Т. 5. С. 7–69). Там же опубликован перевод на русский язык всего каталога Минерального кабинета, составленного И.Г. Гмелиным (в переводе В.И. Лебедева) и М.В. Ломоносовым (в переводе И.И. Голубцова) (С. 73–241).

⁵ Другие части каталога Минерального кабинета составлены И.Г. Гмелиным.

основания горной науки», а в 1763 г. был издан его труд «Первое основание металлургии или рудных дел». Для исследований Ломоносов использовал и минералогические коллекции Кунсткамеры¹. Описывая золотоносные руды, ученый отмечал, что в Академии наук, «в Минеральной каморе, находится кусок самородного золота весом 22 золотника». Есть в Кунсткамере и серебра самородного чистого «кус весом 7 фунтов», «самородной меди плита весом близ 20 фунтов», «счерна сероватая квасцовая руда, которая в одном фунте гран золота содержит».

Мнение М.В. Ломоносова о том, в каком состоянии находился академический музей, и предложения по совершенствованию управления им есть в «репортах», которые ученый настойчиво подавал в Канцелярию и президенту Академии наук. Вызывало беспокойство Ломоносова и вольное обращение с деньгами, определенными на восстановление Кунсткамеры и Библиотеки, погоревших в декабре 1747 г. Причину пожара ученый видел в происках советника Канцелярии И.Д. Шумахера против «соперников», а именно А.К. Нартова и Ж.-Н. Делиля. В 1764 г., излагая историю академической Канцелярии, Ломоносов отмечал, что перед пожаром Шумахер решил отвести для Канцелярии более просторное помещение, заняв Рисовальную и Гравировальную палаты. «Рисовальное дело» перевели в Механическую экспедицию А.К. Нартова, который должен был освободить занимаемое им помещение. «Инструменты и мастеровые [были] разведены по тесным углам, и некоторые из них в кунсткамерские палаты, в такие покои, где печи едва ли с начала сего здания были топлены и при переводе тогдашних мастеров либо худо поправлены или и совсем не осмотрены. Сказывают, что близ трубы лежало бревно, кое от топления загорелось»².

Упрекал Ломоносов Канцелярию и в сокрытии масштабов понесенного от пожара ущерба: «Погорело в Академии, кроме немалого числа книг и вещей анатомических, вся галерея с сибирскими и китайскими вещами, Астрономическая обсерватория с инструментами, Готторпский большой глобус, Оптическая камера со всеми инструментами и старая Канцелярия с оставшимися в ней архивными делами, однако повреждение двору и публике показано весьма малое и о большом глобусе объявлено, что он только повредился, невзирая на то, что оно в цело-

¹ См. об этом: Данилевский В.В. Ломоносов как исследователь русских руд // Ломоносов: Сборник статей и материалов. М.; Л., 1951. Т. III. С. 209.

² Ломоносов М.В. «Краткая история о поведении Академической Канцелярии в рассуждении ученых людей и дел с начала сего корпуса до нынешнего времени». 1764 не позднее августа 26 // Ломоносов М.В. Полн. собр. соч. М.; Л., 1952. Т. 10. С. 281–282.

сти ничего не осталось, кроме старой его двери, коя лежала внизу в погребке. Для лучшего уверения о малом вреде от пожару в “Ведомостях” описано хождение по Кунсткамере некоего странствующего мальтийского кавалера Загромызы, в коем именованы оставшиеся в целости вещи, кои он, Загромыза, видел. <...> Таким образом, негодование у двора и молву в людях о сем пожаре утолив, начала несколько Академия в 1748 г. и большой глобус починивать новым образом, то есть все новое делать, прилагая всякое старание. Положено великое множество казенного иждивения, и каменная палатка, где он ныне стоит, обоилась около пяти тысяч! Между тем как неудовольствие у двора охолодело, так и выстройка глобуса остановилась и в шестнадцать лет еще совсем не окончена»¹.

15 июля 1759 г. Ломоносов обратился в академическую канцелярию² по поводу средств, которые тратились на изготовление новых шкафов. Особым орденом президента Академии наук³ сумму в 2000 рублей из доходов академической Книжной лавки, которая предназначалась по академическому регламенту «на умножение Библиотеки и Кунсткамеры», разрешено было употребить «на строение шкафов и прочих приличных украшений». Возражения Ломоносова сводились к тому, что это академические деньги, а на ремонт здания Кунсткамеры и восстановление интерьера Сенат определил «сумму особливую», которую «не должно мешать с академическою казною, но чего еще на достройку недостает, требовать должно от Правительствующего Сената»⁴.

Тратить 2000 рублей на изготовление новых шкафов ученый считал делом расточительным. Во-первых, деньги нужны на выплату жалованья академическим служащим, исправление старой и строительство новой типографий, выплату пенсий почетным членам Академии и другие нужды. Во-вторых, писал Ломоносов, «известно, что кунсткамерские вещи и книги в Библиотеке стоят в шкафах, то еще нет необходимой нужды, чтобы делать новые, но могут стоять в прежних, пока сумма на новые от Правительствующего Сената истребована будет»⁵.

¹ Там же.

² Ломоносов М.В. Представление в Канцелярию АН об исходатайствовании добавочной суммы на достройку погоревших академических палат. 1759 июля 15 // Ломоносов М.В. Полн. собр. соч. М.; Л., 1952. Т. 10. С. 207–208.

³ Ордер президента Академии наук К.Г. Разумовского от 11 июня 1759 г. См.: СПФ АРАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 470. Л. 193–194.

⁴ Ломоносов М. В. Представление в Канцелярию АН об исходатайствовании... // Ломоносов М.В. Полн. собр. соч. М.; Л., 1952. Т. 10. С. 207.

⁵ Там же.

К тому же, подчеркивал ученый, истинное украшение Кунсткамеры и Библиотеки *«состоит во множестве редких и нужных книг и вещей, любопытства достойных»*, а не в позолоченных шкафах.

Сумма от Сената была выделена в 1753–1754 гг. немалая: 32 089 руб. было отпущено специально на ремонт пострадавшего от пожара здания. Однако распорядившимся деньгами И. Таубертом деньги были уже истрачены, требовались дополнительные ассигнования на завершение восстановительных работ, которые и брались им из штатных академических сумм. Представление М.В. Ломоносова не ушло дальше академической Канцелярии. Отчет о потраченных на ремонт суммах И. Тауберт представил в Сенат только в 1762 г.¹

12 августа 1759 г. Ломоносов протестовал против заключения подряда с «вольным столяром Кинтом» на каменные и штукатурные работы в Обсерватории здания Кунсткамеры². Подряд с Кинтом был заключен И. Таубертом и Я. Штелином без согласия М.В. Ломоносова, третьим советником Канцелярии, и подписан К.Г. Разумовским. Сумма, потребованная мастером, превышала смету, представленную архитектором Шумахером в июне 1759 г. При заключении подряда «торговались» иноземцы Кинт и Бехер, других подрядчиков не было. Однако оказалось, что «торг» произведен был лишь для видимости, *«ибо ту работу, как известно, приняли на себя обще, а не один Кинт»*³.

Ломоносов предлагал найти других подрядчиков, а *«для будущих осеннего и зимнего времени покрыть и загородить тою Обсерваторию в надлежащих местах досками, на что чаятельно кошт надобен небольшой, а в будущем году начать оную выстройку по той же архитектурской смете с маяя месяца, почему надеяться можно, что во оное время не только за архитектурскую в смете цену, но и с немалым уменьшением отделать другие подрядчики возьмут»*⁴.

Несмотря на возражения Ломоносова, «вольный столяр» Кинт получил подряд на штукатурные работы, с которыми в установленные контрактом сроки не справился. Обсерватория была не отремонтирована не только к осени 1759 г., но и к зиме 1760 г. Но и отремонтированная, она все время подвергалась переделкам. В 1763 г. Ломоносов с болью писал о том, что в Обсерватории не ведутся астрономические наблюдения, а

¹ СПФ АРАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 532. Л. 224 об.

² Ломоносов М.В. Мнение по делу о подряде на каменные и штукатурные работы в Обсерватории. 1759 августа 12 // Ломоносов М.В. Полн. собр. соч. М.; Л., 1952. Т. 10. С. 208–209.

³ Там же. С. 209.

⁴ Там же.

профессор Ф. Эпинус пренебрегает обустройством Обсерватории: «Обсерватория астрономическая, хотя всегда служила больше к профессорским ссорам, нежели к наблюдениям светил, однако ныне уже походит на запустелый после разделения языков столп вавилонский. Не взирая на положенные иждивения к строению башни после пожару, на частые поправки и перепочки, несмотря на то, что от Правительствующего [Сената] вдруг дано было на инструменты 6000 рублей, не приносит Обсерватория ни ученому свету пользы, ни же Академии чести. <...> Г. Эпинус и его элев Румовский весьма редко бывают на Обсерватории, так что и часы астрономические вместо исправного и бесперерывного ходу иногда стоят по несколько недель без всякого движения. При некоторых не беззнатных приключениях небесных, наблюдения достойных, посылал я в ясные ночи к Обсерватории осведомиться, что там происходит. Однако найдено, что не токмо оная заперта, но и крыльцо занесено глубоким снегом. <...> Да и впредь лучшего ожидать нельзя, затем что и на будущее лето готовятся Обсерваторию перелаживать по нраву г. Эпинуса, которыми многочисленными переделками, бывшими при Делле и при Гришове и после новой постройки, так бы должна быть сыта Канцелярия, чтоб о том и подумать не могла без произведения беспокойства в денежном своем желудке»¹.

Писал Ломоносов и о том, что «физическая камора» не имеет «ни образа, ни подобия того, в каком состоянии она была при Крафте и Рихмане, но и едва следы ее видны. Лежат уже много лет физические инструменты по углам разбросаны, в плесени и во ржавчине, безо всякого употребления ни к новым академическим изобретениям»².

Наблюдая явные финансовые злоупотребления И. Тауберта, Ломоносов потребовал, чтобы тот представил в Академическую канцелярию отчеты о состоянии Кунсткамеры и Библиотеки³. Тауберт отказался выполнять требования Ломоносова, мотивируя свой поступок тем, что «Кунсткамера и Библиотека до Канцелярии не принадлежат, а должен обо всем оном знать он, г. Тауберт, яко унтер-библиотекарь, да притом и от его высокографского сиятельства Академии Наук г. президента оба оные департаменты препоручены в особое его смотрение»⁴.

¹ Ломоносов М.В. Отчет о состоянии Физической камеры, Обсерватории и Ботанического сада // Ломоносов М.В. Полн. собр. соч. М.; Л., 1952. Т. 10. С. 258–260.

² Там же. С. 258.

³ Выписка из журнала Канцелярии АН по поводу непредставления И.И. Таубертом отчетов о состоянии Библиотеки и Кунсткамеры // Ломоносов М.В. Полн. собр. соч. М.; Л., 1952. Т. 10. С. 241.

⁴ Там же.

В «Определении» Канцелярии¹ Ломоносов писал о необходимости создания комиссии в составе профессоров Фишера, Брауна, Котельникова, Федоровича и адъютанта Протасова «для рассмотрения оных департаментов»². «Определение» двумя другими советниками Канцелярии (И. Таубертом и Я. Штелиным) подписано не было. Требование Ломоносова было связано не только с финансовыми неурядицами вокруг ремонта здания, но и с тем, что никакой работы по пополнению фондов фактически не проводилось, а новые каталоги не создавались (перевезенные после пожара из Кунсткамеры в дом Демидовых книги и музейные экспонаты просто стояли в шкафах).

В связи с отказом Я. Штелина подписать «Определение» о производстве ревизии в Кунсткамере и Библиотеке М.В. Ломоносов направил ему письмо: *«Ваше благородие, найдете справедливым, чтобы положить конец неурядице и чтобы мы в Канцелярии, как главенствующем месте, знали, что происходит в Библиотеке и Кунсткамере, потому что вежливость и комплименты ничего не значат в делах, касающихся государственного блага, когда несправедливость берет перевес. Если ваша милость имеет высказать что-нибудь против, кроме вежливостей, то выскажите это письменно. <...> Г. Тауберт вчера объявил (что и занесено в протокол), что Канцелярия не может вмешиваться в Библиотеку. Если Вы находите справедливым, чтобы мы отдали г. Тауберту в приданое³ Библиотеку и т.д., то подпишитесь под этим. Между тем я исполню все и представлю обо всем подробно Правительствующему Сенату»⁴.*

И. Тауберт предпринял недюжинные усилия, для того чтобы уйти от необходимости предоставления отчета о состоянии Кунсткамеры и Библиотеки. Он обратился с жалобой на Ломоносова к И.И. Шувалову, о чем известно из его письма Я. Штелину: *«Его [Шувалова] весьма удивили затеи нашего дорогого коллеги, некоторые образчики коих я ему показал. Он оставил у себя тот, который касался предполагаемого обследования Библиотеки, и обещал потолковать об этом также и с Романом Илларионовичем Воронцовым. Со вчерашнего дня, как мне*

¹ Ломоносов М. В. Определение Канцелярии АН о производстве обследования Библиотеки и Кунсткамеры // Ломоносов М.В. Полн. собр. соч. М.; Л., 1952. Т. 10. С. 241–243.

² Там же. С. 242.

³ М.В. Ломоносов имеет в виду, что до Тауберта Библиотекой и Кунсткамерой занимался И.Д. Шумахер, дочь которого вышла замуж за Тауберта.

⁴ Подлинник письма на немецком языке. Пер Т.Н. Кладо в кн.: Ломоносов М.В. Письмо Штелину Я.Я., 2 июня 1761 г. // Ломоносов М.В. Полн. собр. соч. М.; Л., 1952. Т. 10. С. 555–556.

передавали, наш первый писатель чувствует себя прижатым к стене и начинает догадываться, что все это дело может обернуться очень для него плохо. Если президент пожелает действовать строго, ничто не спасет его [Ломоносова] от его гнева»¹. Ироничные «дорогой коллега» и «первый писатель», конечно, относятся к Ломоносову.

Обращает на себя внимание тот факт, что искушенный в интригах Тауберт поспешил направиться за поддержкой к тем лицам, которые покровительствовали Ломоносову, стремясь опередить последнего. Предложение ученого о ревизии Кунсткамеры и Библиотеки в 1761 г. принято не было. В декабре 1761 г. Ломоносов обратился к президенту Академии наук с требованием отдать Тауберта под следствие, перечислив «*пункты продерзости Канцелярии советника Тауберта*»², среди которых были и нарушения Академического регламента в отношении Кунсткамеры и Библиотеки: «*He подает [Тауберт] репортов и счетов от Библиотеки, Кунсткамеры и от других врученных ему в смотрение департаментов, что противно указам и Академическому регламенту*»³. Неизвестно, подал ли эту записку Ломоносов Разумовскому. Во всяком случае, и этот документ не возымел действия.

В декабре 1761 г. Ломоносов подготовил записку о преступлениях и упущениях И. Тауберта⁴, в которой опять обращал внимание на отсутствие уже многие годы отчетов по Кунсткамере и Библиотеке, о трате денег, отведенных «в размножение» их, что было особенно важно после утрат от пожара 1747 г., на великолепные шкафы, тем великолепнее, чем дороже, пренебрегая «*полезным делом*», т.е. приобретением экспонатов для музея и книг для библиотеки. Здесь же Ломоносов приводит и тот факт, что и Никита Демидов, чей дом был отведен под Кунсткамеру и Библиотеку, жаловался в Сенат, что «*оный Тауберт держит в их доме не токмо людей, к Библиотеке и Кунсткамере не принадлежащих, но и аглинское пиво немалым числом бочек, о чем из Правительствующего Сената насылались в Канцелярию Академии наук указы*»⁵.

О том, сколь далеки от интересов дела были решения и поступки Тауберта, свидетельствует и история с размещением академических де-

¹ Записки императорской Академии наук. СПб., 1865. Т. VII. С. 122.

² Ломоносов М.В. Представление президенту АН об отдаче И.И. Тауберта под следствие // Ломоносов М.В. Полн. собр. соч. М.; Л., 1952. Т. 10. С. 246–250.

³ Там же. С. 249.

⁴ Ломоносов М.В. Записка о служебных преступлениях и упущениях И.И. Тауберта // Ломоносов М.В. Полн. собр. соч. М.; Л., 1952. Т. 10. С. 250–255.

⁵ Там же. С. 250.

партаментов в приобретенном Академией наук для университета и гимназии Строгановском доме. В 1764 г., воспользовавшись болезнью Ломоносова и его отсутствием в Академии, Тауберт начал перестройку дома не для учебных департаментов. Он решил разместить под одной крышей Анатомический театр, «кунсткамерские вещи», типографские и Книжной лавки «магазейны», а также квартиры анатома и астронома и других академических служащих¹.

Доводы Ломоносова против размещения этих академических департаментов в одном здании с жилыми помещениями полны здравого смысла: *«Анатомический театр должен быть не в жилом доме, но в одинаком месте, ибо кто будет охотно жить с мертвецами и сносить скверный запах? <...> И сам анатомик с фамилией едва ли при такой мерзости может вести чистую экономию. <...> Астроному также едва ли приятно будет такое соседство»*². *«Для кунсткамерных вещей, — с досадой и горечью писал Ломоносов, — искать новой квартиры стыдно, затем что починка погоревших палат идет уже около двенадцати лет и суммы изошло до тридцати тысяч»*³.

Ломоносов справедливо заключил, что *«изо всего сего непристойного помещения людей и вещей разного рода, как в некоторый народный трактир, коим без шумов и опасности вместе быть нельзя, явствует, что сия покупка учинена и дом оторван от Университета и Гимназии без основания»*⁴. Президент Академии внял доводам Ломоносова и распорядился отвести дом Строгановых под гимназию и университет⁵.

При жизни Ломоносова вопрос о финансовых злоупотреблениях И. Тауберта так и не рассматривался. Лишь после того как при президенте Академии наук К.Г. Разумовском была введена должность директора Академии и им был назначен В.Г. Орлов (с 1766 по 1774 гг.) статскому советнику Тауберту было запрещено самостоятельно заключать подряды по Кунсткамере и Библиотеке под угрозой того, что при нарушении этого распоряжения подряды оплачиваться не будут⁶.

¹ Ломоносов М.В. Краткая история о поведении Академической Канцелярии в рассуждении ученых людей и дел с начала сего корпуса до нынешнего времени // Ломоносов М.В. Полн. собр. соч. М.; Л., 1952. Т. 10. С. 300.

² Ломоносов М.В. Представление в Канцелярию АН об отводе дома Строгановых под Университет и Гимназию // Ломоносов М.В. Полн. собр. соч. М.; Л., 1955. Т. 9. С. 598–602.

³ Там же. С. 600.

⁴ Там же. С. 601.

⁵ СПФ АРАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 534. Л. 145.

⁶ Там же. Д. 537. Л. 117 об.

Проверка фондов этих учреждений началась уже после смерти Ломоносова, в 1767–1768 гг.¹ То, что Тауберт был не чист на руку, видимо, было общеизвестно. П.П. Пекарский приводит следующие факты. В сентябре 1765 г. Г.Н. Теплов по требованию Екатерины II запрашивал в Академии наук необходимые императрице бумаги из собрания графа Я. Брюса. Узнав, что бумаги хранятся в Академии наук, Екатерина написала, что тогда их и спрашивать не для чего, «*понеже верно украдены*». Прочитав отметки Тауберта об уничтожении «*за ненадобностью*» «*большого свертка русских книг*» и «*разных письменных каталогов*» из того же собрания Брюса, императрица отреагировала: «*Тоже выкрал*»².

Ситуация бесконтрольности в Кунсткамере была еще при И.Д. Шумахере. В «Краткой история о поведении Академической Канцелярии в рассуждении ученых людей и дел с начала сего корпуса до нынешнего времени» Ломоносов отметил те «*пункты*», по которым Шумахер был официально изобличен специальной комиссией, созданной по жалобе академиков, но настроенной к Шумахеру «*доброхотно*»: «*1) что он содержал у себя под именем кунсткамерских служителей четырех лакеев, водил в своей либерее, кои никакого в Кунсткамере дела не имели, на академическом жалованье по 24 рубли на год, на что издержал казенных денег с лишним 1400 р.; 2) что определенные деньги по потчевание гостей, в Кунсткамеру приходящих, по четыреста рублей на год держал на себя и присовокупил к своему жалованью, чтобы не давать никакого отчету, чего всего истрачено было больше семи тысяч рублей; 3) что он держал казенную французскую водку, коя имелась всегда для кунсткамерских вещей, употреблял на свои домашние потребности*»³.

«*Библиотека и Кунсткамера имеет расположение толь же худо, как и прежде*», — писал с горечью Ломоносов⁴. Причем их положение, как и состояние Физического кабинета, Обсерватории, Ботанического сада, становилось с годами только хуже. В 1763 г. «*по должности*» (как член Канцелярии) и «*по совести*» Ломоносов писал «*о весьма худом состоянии самых нужнейших академических департаментов*», которые

¹ СПФ АРАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 537. Л. 233; Там же. Д. 2243. Каталог находящимся в Императорской Кунсткамере всяким художественным и редким вещам, вновь ревизованным в 1768 г.

² Пекарский П.П. История Императорской Академии наук. СПб., 1870. Т. 1. С. 665.

³ Ломоносов М.В. Краткая история о поведении Академической Канцелярии... // Ломоносов М.В. Полн. собр. соч. М.; Л., 1952. Т. 10. С. 278.

⁴ Ломоносов М.В. Всеннейшее мнение о исправлении Санктпетербургской Императорской академии наук // Ломоносов М.В. Полн. собр. соч. М.; Л., 1952. Т. 10. С. 13.

«лежат бесполезны, в плачевном состоянии», а «жалование и другие расходы из казны тратятся напрасно»¹. В одном из документов Ломоносов приводит пример с принятием на академическую службу егеря «якобы для стрельяния птиц и зверей в Кунсткамеру, а подлинно для удовольствия чьей-то поварни»².

Из предложений М.В. Ломоносова по пересмотру штата Академии наук становится ясно, что Кунсткамере и Библиотеке ученый придавал прежде всего научное значение: «Академия Наук, Университет, Гимназия, Библиотека и Кунсткамера одинаково имеют дело с наукой, более того, они связаны между собой тесными узами»³. Ученый считал, что ведать Кунсткамерой и Библиотекой должен не сотрудник академической Канцелярии, а ординарный академик («будет ведать книгами и произведениями природы и искусства»⁴) с прибавкой к жалованью. К нему из адъюнктов необходимо придать двух помощников, которые «будут под надзором библиотекаря хранить книги и редкости в порядке и чистоте»⁵.

В обязанности академиком вменялось и смотрение за такими департаментами, как Анатомический театр, Обсерватория, Физический кабинет, Ботанический сад и ботанические коллекции. Астроном, имеющий в своем распоряжении Обсерваторию, должен заботиться о снабжении ее инструментами, для чего в Академии есть Мастерская палата и на что в бюджете имеются деньги. Часть инструментов он должен предоставить своему адъюнкту и студенту, чтобы они могли приобретать навыки астрономических наблюдений, а порой и подтверждать точность наблюдений академика. Ординарный академик физики имеет в своем распоряжении Физическую экспериментальную палату и должен стараться, чтобы она была снабжена необходимыми инструментами, особенно «*новейшего изобретения других и его собственного*». Использовать инструменты «*для приращения натуральной науки новыми опытами*» может не только академик, но и адъюнкт и студент.

Ботаник, он же профессор натуральной истории, содержит «*Академический Ботанический сад, оранжерею, семена и сушеные травники, все в исправном и надобном числе и количестве*». Хорошо, если Ботанический сад будет в порядке и красив, «*дабы показать не стыдно было посторонним любителям сея науки. В оранжерее содержат иностранные травы,*

¹ СПФ АРАН. Ф. 20. Оп. 1. Д. 2. Л. 176–177 об.

² Ломоносов М.В. Записка о необходимости преобразования Академии наук // Ломоносов М.В. Полн. собр. соч. М.; Л., 1952. Т. 10. С. 39.

³ Ломоносов М.В. Предположения об устройстве и уставе Петербургской академии // Ломоносов М.В. Полн. собр. соч. М.; Л., 1952. Т. 10. С. 118.

⁴ Там же. С. 128.

⁵ Там же. С. 130.

сколько допустит здешний климат и сколько требуется к показанию ботанических разных систем для наставления учащихся»¹. Анатом («анатомик» у Ломоносова) должен заботиться о Кунсткамере, изготовляя «анатомические препараты частей человеческих и других животных, <...> когда в ней что из таковых вещей обветшает или попортится». Он должен содержать в порядке и Анатомический театр. В его же обязанности входит и знание зоологии, «т.е. натуральной истории животных».

Заботился М.В. Ломоносов и о пополнении фондов Кунсткамеры, прежде всего столь хорошо знакомых ему минералогических коллекций. В апреле 1757 г. он передал в Кунсткамеру образцы цветных стекол, находившихся в Химической лаборатории на Васильевском острове (два ящика)². Судьба этих музейных экспонатов, созданных Ломоносовым и переданных им в дар Кунсткамере, довольно интересна и символична. До образования Минералогического музея как самостоятельного учреждения (1836 г.) ломоносовские «чудесные стекла-самоцветы» (выражение В.В. Данилевского) находились в составе коллекций Кунсткамеры. В 1920-е годы они были переданы в Институт археологической технологии Академии истории материальной культуры, а затем в Государственный Эрмитаж. В 1948 г. при создании фондов и экспозиции Музея М.В. Ломоносова из Эрмитажа в новый музей были переданы «баночки с образцами ломоносовских смальт» (Акт № 286 от 5 октября 1948 г.).

Несмотря на то что факт этот был известен³ и ломоносовский дар Кунсткамере использовался даже для изучения технологии стекольного производства, разработанной ученым⁴, до недавнего времени эти экспонаты не только не считались мемориальными объектами, но и не были доступны посетителям Музея. Для нас же эти великолепные по чистоте цвета образцы стекла являются своеобразным символом, напрямую соединяющим Кунсткамеру времен М.В. Ломоносова с Кунсткамерой нынешней — Музеем антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН.

¹ Ломоносов М. В. Проект регламента Академии наук // Ломоносов М.В. Полн. собр. соч. М.; Л., 1952. Т. 10. С. 148.

² СПФ АРАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 527. Л. 149–151; Д. 501. Л. 69; Д. 502. Л. 199 об.; Д. 221. Л. 281–281 об.

³ Безбородов М.А., Ченакал В.Л. Химико-технологическое и микроскопическое исследование огнеупоров Ломоносова // Ломоносов: Сборник статей и материалов. М.; Л., 1960. Т. IV. С. 91.

⁴ Там же. С. 83–99; Ченакал В.Л. Станок Ломоносова для формовки четырехгранных стеклянных брусков // Ломоносовский сборник: Сборник статей и материалов. М.; Л., 1960. Т. IV. С. 113.